

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ
КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА

XII ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ИВ АН СССР
(краткие сообщения)

Часть II

Москва 1977

Э. Н. Ворожейкина

К ВОПРОСУ О "СТРАНСТВУЮЩИХ" ЧЕТВЕРОСТИШИЯХ

Существование "странствующих" хаймовских четверостиший отмечено в научной литературе уже восемьдесят лет назад. В.А. Луковский, первым обративший внимание на этот факт, выявил в результате текстологического сличения тридцать девять поэтов XI-XIII вв., в диванах которых встречаются приписываемые Хайяму четверостишия.¹ Прошедшие с тех пор десятилетия изучения Хайяма не прояснили проблему объема и состава его поэтического наследия.² В настоящее время насчитывается около пяти тысяч рубаи, встречающихся в рукописях под именем Омара Хайяма; с относительной уверенностью можно утверждать авторство Омара Хайяма лишь для нескольких десятков четверостиший.

Факт "странствования" под видом хаймовских такого большого числа четверостиший представляет проблему более общую, чем авторская атрибуция того или иного стихотворения. Примечательно, что эти кочующие четверостишия не ощущались чужеродными равным образом ни в диванах многочисленных поэтов, ни среди стихотворений великого Омара Хайяма. В этом следует видеть не столько широкое подражательство - ведь среди авторов "странствующих" рубаи были и предшественники Хайяма - сколько настоящую литературную тенденцию времени, нашедшую в творчестве Омара Хайяма наиболее совершенное воплощение.

"Странствующие" хаймовские четверостишия и - шире - хаймовские мотивы вообще - своеобразное литературное явление средне-

векового Ирана, могут быть важны при попытках реконструировать идеологическую жизнь иранских средневековых городов.

Какие мотивы характерны для "странствующих" четверостиший?

В.А.Жуковский в свое время отметил, что они тяготеют в основном к двум темам: жалобы на судьбу, мир, людей - 43%; любовь, вино, наслаждение - 33%. Эта классификация остается верной и теперь, когда исследователи располагают значительно большим материалом для сравнения. Она подводит к следующему выводу: среди "странствующих" четверостиший не встречаются, как правило, стихотворения, темой которых является конфликт человека с творцом - хайямовское обличение бога в его несправедливости, непоследовательности и отсутствии милосердия, и хайямовское отрицание смертного существования, то есть самое сильное и ценное, в чем Омар Хайям, как поэт остался в персоязычной литературе неповторенным. Эту тему можно считать почти безоговорочным критерием для атрибуции хайямовских стихотворений.

За то хайямовский конфликт человека с неблагоприятствующим временем, с судьбой, и как его производное - гедоника - излюбленные темы средневековой поэзии Ирана.

Большие или меньшие циклы четверостиший, посвященные этим темам, можно найти в диванах многих старых поэтов. Одним из поэтов, четверостишия которого в некоторой части переплелись с наследием Омара Хайяма, был Камал Исмаил, родившийся спустя полвека после смерти Хайяма. В самом начале XIII века Камал Исмаил возглавил исфаханский литературный круг. Небезинтересно, что значительная часть творческой жизни Хайяма падает также на Исфахан, где он до конца XI в. руководил исфаханской обсерваторией.

В рукописях дивана Камала Исмаила В.А.Жуковский обнаружил пять четверостиший, вошедших в издание текста стихотворений Хайяма.³ Проведенное нами исследование тегеранского критического издания дивана Камала Исмаила позволило добавить к ним еще шесть четверостиший, которые принято считать хайямовскими. Четыре из них вошли в московское издание 1959 г., для которого издатели отобрали в качестве наиболее достоверных 293 рубаи Омара Хайяма⁴:

می باز خورم و لیک مستی نکند * الا بقدر دراز دستی نکند
دانی غرضم ز می پرستی چه بود * تا بچو تو خویشتن پرستی نکند

- Опять я пью, но хмель мой севобиден,
Я руку алчности тяну лишь к винной чаше.
Сказать тебе, в чем смысл моей любви к вину? -
Чтоб в себялюбии, как ты, не изощряться.

گفتی ز برای می که کمتر خور ازین * آفرین چه عذر بر نداری سر ازین
عذرم رخ یار و باره صبح دست * انصاف بدو چه عذر روشن تر ازین

- Сказала ты: "Поменьше пей вина!
И почему б тебе не бросить пить?"
Вот доводы мои - подруги лик и утренний глоток вина.
Так рассуди сама, нужны ль другие оправданья?

بر خیزد و بخورد غم جهان گذران * بنشین و جهان بشادمانی گذران
در طبع جهان گرو فانی بودی * نوبت بتو خود نیامدی از دیگران

- Брось горевать, что жизнь течет так быстро,
И радостно пройди свой путь земной.
Когда б в обычае у мира было постоянство,
От тех, кто жил до нас, черед к нам не дошел бы.

من می نه برای تشنگستی نخورم * یا از غم رسوائی و مستی نخورم
من می ز برای خوشدلی خورم * اکنون که تو در دلم نشستی نخورم

- Не пью вина не потому, что беден,
И не из страха пред хмельным позором я не пью.
Я пил вино, чтоб в сердце была радость,
А ныне, когда в сердце моем ты, не пью.

Четверостишия Камала Исмаила попали в сборники русских переводов Хайяма. Первое и третье из приведенных изданы в переводе Германа Плисецкого в 1972 г.⁵, там же еще одно четверостишие Камала Исмаила:

6 اکنون که خوشدلی در ایام نماند * یک بدم بختی چیزی جام نماند
دست طرب از ساغری باز مگیر * امروز نه دست گیر جز جام نماند

- Сегодня, когда жизнь нам радость не дарит,
И нет иного друга, кроме винной чаши,
От ручки чаши винной руки не отрывай, -
Зря будешь ты искать руки иного друга.

Среди более ранних русских переводов Хайяма можно отыскать и другие стихотворения Камала Исмаила, например, следующее:

می ده که دل ریش مرا بزم اوست * سودا زدگان عشق را صدم اوست
پیش دل من خاک یکی جرعه بهست * از چرخ که کاسه سر عالم اوست

- Дай мне вина, вино мои врачует раны,
Вино - наперсник тех, кто страдает от любви.
Для сердца моего глоток вина дороже,
Чем этот небосвод - над миром опрокинутая чаша.

Эти четверостишия (вместе с отмеченными В.А. Жуковским их одиннадцать), имеющие широкое хождение под именем Омара Хайяма - типические для творчества Камала Исмаила. Более четверти рубайат Камала Исмаила (около 250 из 968) - это житейская и философская афористика, лирическая дидактика, эпикурейская и вакхическая поэзия, пейзажная лирика - то есть именно тот комплекс тем, который характерен для "странствующих" хайямовских четверостиший.

"Хайямовскую" тетрадь Камала Исмаила следует выделить как одну из ценных частей его литературного наследия. При всей обобщенности, согласно литературному вкусу времени - поэтического высказывания, эти стихотворения приближают нас к постижению личности поэта, мира его души. Сугубо личное звучит в горьких сетованиях на духовное одиночество, страх перед жизнью, неверие в людей, в жалобы на обманутые жизнью ожидания и проч. Вместе с тем, в "хайямовской" тетради Камала Исмаила нет целостного мироощущения, напротив, заметна пестрота настроений и жизненных позиций, внешне противоречивых для сознания одного человека. Рядом с сетованиями на превратности судьбы и несправедливое распределение мирских благ проповедуются пренебрежение к жизненному благополучию. Сосуществуют обывательская мудрость самосохранения - и эпикурейская беспечность теории "одного дня". И тут же - гордость честного непреуспевания в несправедливом мире и преодоленного страдания, отрицание смирения, протест. А в бессилии против

незаслуженных ударов судьбы – совет просто посмеяться над ней.

Уместно вспомнить, что подобная смесь ценностных ориентаций ставила в тупик издателей и исследователей Омара Хайяма. Некоторые из литературоведов считали это смешение результатом вплетения в поэтическое наследие Хайяма стихов других авторов, каждый из которых выражал свое мироощущение. Изучение четверостиший Камала Исмаила подсказывает другой вывод. В его "хайямовских" стихах мы находим весь набор всечеловеческих истин, представленный, как правило, в пословичном фольклорном фонде любого из народов. Камал Исмаил художественно формулирует мысли и настроения, популярные у городских слоев населения.

Тяготение к афористичным формам мышления, характерное для средневековья вообще, в самой высокой степени проявилось в словесной культуре персоязычных народов. С самого зарождения новоперсидской поэзии пословицы, поговорки, стихотворные афоризмы питали дух человека в его неудовлетворенности жизнью и в стремлении познать и сформулировать ее непостижимые для них закономерности.

Камал Исмаил дал высокие образцы искусства афористичности, крылатости поэтического речения, столь ценимого в его время. В его четверостишиях можно проследить все характерные черты жанра классического рубаи. Это – художественная обобщенность метких характеристик, общезначимость философских, этических и лирических высказываний. Многие из четверостиший, следуя стилистическим конструкциям народных пословиц, императивны: советы и сентенции прямо обращены к читателю, и последний чувствует себя в положении избранного собеседника поэта в доверительном разговоре о жизни. Императивы часто вынесены в концы строк, в рифму или редиф, что сообщает рубаи особую экспрессию. Эту императивность поэт нередко обращает на себя, как бы отождествляя себя с читателем, и стихотворные строки звучат своеобразным самоуговором или принимаемым обетом, как, например:

-Клянусь, не буду я скорбеть о несовершенстве мира,
Не будут близки мне ни радость, ни страдание.
Корону пусть возложат мне на голову – не возгоржусь,
Последнюю пусть шапку снимут – не опечалюсь.

Из четверостиший Камала Исмаила можно составить целую антологию таких ходовых, по-видимому, в его время сентенций, которым мастерство поэта придало афористически-отточенную форму:

- В тот день, когда мы в суете уйдем из жизни,
Которую лишь по ошибке мы считаем жизнью,
С какою мыслью мы уйдем из жизни? -
Не вышла жизнь - пойдем в итоге жизни.

- Нас одарило время только цепью бед,
Хоть раз коснулись ли мы розы, шипом не уколешься?
В итоге даже душу оно возьмет от нас назад, -
Так что оно нам в самом деле дало?

Афористичность поэтического высказывания отличает главным образом второй, заключительный бейт рубаи. В ряде случаев он без труда вычленим из четверостишия и показывает полную готовность к самостоятельному существованию. Четверостишия Камала Исмаила изобилуют такого рода литературными пословицами:

- В чаше жизни мирской перемешаны сладость и горечь,
Так одно с губ любимой испей, а другое - с губ чаши вина.

Пока жив, не пугай себя мыслью о смерти,
Отведи смерти миг, а весь век беспечально живи.

О хотя б нам страданье отмерялось по длине нашей жизни,
Или жизнь отмерялась по тяжести ноши страданья...

Как и всякие афоризмы, эти авторские литературные пословицы воплощают так или иначе жизненные и нравственные идеалы эпохи, вскрывают существовавшие связи между человеком и его временем. Именно поэтому социальная роль этих литературных афоризмов, каковыми по сути и были "хайямовские" четверостишия, представляется особо значимой, и может быть, именно эта часть персидской поэзии - так сказать "обобщественная" лирика - и была прежде всего пищей для духа и ума в средневековом обществе. Распространенность этих стихов и "странствование" их из дивана в диван, полиавторство их и многовариантность свидетельствуют о широком бытовании их, множественности переписок и устных передач, то есть об огромном читательском спросе.

---

¹ В.А.Жуковский. Омар Хайям и "странствующие" четверости-

ния. -Ал-Музаффарийа. Сборник статей учеников профессора барона Виктора Романовича Розена... СПб., 1897, с.325-363.

² О проведенных исследованиях и предлагавшихся методах атрибуции см. Омар Хайям, Руба'йят. Подготовка текста, перевод и предисловие Р.М.Алиева и М.-Н.Османова, М.,1959, ч.2, с.9-22.

³ В.А.Жуковский, ук.изд., с.345, 348, 349, 353, 365.

⁴ Омар Хайям, Руба'йят, ук.изд., ч.2, № 103, 215, 269, 112. В диване Камала Исмаила (Тегеран, 1971, изд. Бахр ул-Улами) - № 631, 572, 585; в литографии куллията Камала Исмаила (Бомбей, 1807/1890), с.476.

⁵ Омар Хайям, Рубайат, М.,1972, № 178, 298,

⁶ Там же, № 237, в диване Камала Исмаила - № 403.

⁷ См. Восток, Сборник второй. Л.,1935, с.232, № 98, - в диване Камала Исмаила - № 567.

Л.В.Гелкина

СТИХОТВОРЕНИЕ П.ВЕРЛЕНА "ДОЖДЬ В ГОРОДЕ" И ПОЭЗИЯ
КИМ ДЖОНСИКА (СОВОЛЬ) (1903-1934 гг.)

В работах некоторых исследователей, посвященных корейской литературе нового времени, затрагивается вопрос о влиянии поэзии французского символизма на корейскую поэзию 20-30 гг.¹ К сожалению, помимо констатации самого факта влияния, авторы ограничиваются перечнем имен французских поэтов, пользовавшихся популярностью в это время в среде корейской интеллигенции, и указанием на восприятие корейскими поэтами пессимистических настроений, свойственных поэзии французского символизма. Нет никаких конкретных исследований, позволяющих судить о том, что именно, как и почему заимствовалось.

Не претендуя на сколько-нибудь общую постановку и решение этого вопроса, мы проследим, как отразилось на творчестве корейского поэта Ким Джонсика (Соволя) его знакомство со стихотво-